DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.050

УДК 821.511.141-312.6 Маркович +
+ 341.34(439) + 94(47 + 57)“1917/22”

Э. Шиллер

Университет им. Лоранда Этвеша
Сомбатхей, Венгрия

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ, РУССКИЙ ПЛЕН И ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РОМАНАХ Р. МАРКОВИЧА*

В статье впервые на русском языке рассказывается о двух романах венгерского писателя Родиона Марковича (*Rodion Markovits*) «Сибирский гарнизон» и «Золотой поезд», причем подчеркиваются те элементы их содержания, которые говорят об отношении к русским событиям пореволюционного времени и русским людям, охваченным вихрем революционных перемен. Первый из упомянутых романов, «Сибирский гарнизон» (1927), в свое время стал всемирной сенсацией, будучи одним из самых первых европейских художественных текстов о русском плене, о далекой экзотической Сибири и вообще о послереволюционной России. В нем описывается путь военнопленных через всю огромную страну от ее западной границы вплоть до Дальнего Востока, а также будни двухлетнего плена на берегу реки Уссури. В романе «Золотой поезд» (1929) рассказывается о периоде, наставшем после Брестского мира, о возвращении на родину австро-венгерских солдат через объятую революцией Россию. Помимо наблюдений, касающихся восприятия героем-венгром русской культуры, истории и человеческой психологии, в статье содержатся выводы об особой историко-психологической достоверности автодокументальных художественных текстов, каковыми являются романы Родиона Марковича, писателя, придумавшего особый жанр — коллективный роман-репортаж.

Ключевые слова: Родион Маркович; венгерские военнопленные; Первая мировая война; гражданская война в России; автодокументальная проза.

В отношении венгров к русскому человеку, ставшему потом советским, значительную роль играла Первая мировая война, и особенно военный плен на территории России. Известны истории тех венгерских военнопленных, которые, освободившись из плена, по разным причинам сражались в Гражданской войне на стороне Красной Армии. Их судьбы стали сюжетами фильмов и книг после Второй мировой войны, когда венгерское государство, в первую очередь Венгерская коммунистическая партия, старались отыскать свои идеологические корни уже в советском времени.

Однако истории военнопленных на самом деле были гораздо более сложны и неоднозначны, и в последние годы ведутся серьезные архивные исследования

* Работа выполнена в рамках международного проекта № 17-21-07002а(м) ««Человек советский» в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.» (РФФИ — отдел гуманитарных и общественных наук).

© Шиллер Э., 2017

на эту тему, изучающие численность, человеческие судьбы, места захоронения и т. д. Это, конечно, очень ценные изыскания, но по своей природе они не могут передать таких деталей, чувств, личных переживаний, которые возможно сохранить в художественных текстах.

Первый роман из тех двух, о которых будет идти речь в этой статье, стал на короткое время всемирной сенсацией. Он оказался одной из самых первых книг военной тематики — вышел чуть раньше знаменитого романа Ремарка, в 1927 г. — и первым дал сведения о русском плене, далекой экзотической России и такой неведомой земле, как Сибирь. Всё это было для западных читателей поразительной новостью, почти что небылицей, которая всё-таки произошла. По сути дела, это было первое личное свидетельство о русском плене солдат разных народов Австро-Венгрии, о двух русских революциях, вернее, об их отблесках в Сибири, о гражданской войне глазами венгерских военнопленных. Роман имел ошеломляющий успех, его перевели на 14 языков (по известным причинам русский не фигурирует среди них). Тираж был такой огромный, что автор романа стал богатейшим человеком — впоследствии никто не понимал, как он мог потерять это огромное состояние у столиков для карточной игры¹.

Название романа было «Сибирский гарнизон», а его автора звали Родион Маркович. Тут нужно сразу сделать отступление. Родион Маркович родился как Jakab Markovits в 1884 г. в трансильванском селе (принадлежащем в то время Венгрии) в религиозной еврейской семье. Его отец был организатором и духовным отцом еврейской общины деревни, но это не мешало ему и его жене быть исключительно образованными людьми, укорененными в западной культуре. Сыновьям они обеспечили хорошее университетское образование. Якаб учился в Будапештском университете, стал юристом. В столице он познакомился с литераторами, увлекся журналистикой. Во время своих первых публикаций, по-видимому, он считал, что его имя имеет слишком сильный еврейский характер, и решил его поменять. Это не говорит о том, что он полностью отказался от своих еврейских корней, но лишь о том, что стал жить жизнью более ассимилированных евреев, подобно многим в то время. Обратим внимание на то, какое именно имя он себе выбрал. Имя Родион — уникальное на той территории, где он жил (и в венгерском, и в румынском языках), он взял его из романа Достоевского. На рубеже XIX–XX вв. русская литература была «в моде» — как в Западной Европе, так и в Венгрии. По-русски в Венгрии практически никто не читал, не говорил, переводили с немецкого. (Носители славянских языков кое-что понимали, первые венгерские русисты вышли из их рядов.) Но переводы выходили в огромном количестве — Тургенев, Толстой, Достоевский, Гоголь, Пушкин, Чехов, Горький всюду печатались и всеми читались. То, что венгерская публика знала о России, приходило к ней сквозь призму литературы.

¹ За несколько лет и этот успех, и самого автора забыли, и он стал второстепенной, полузабытой фигурой венгерской литературы.

Родиона Марковича в январе 1915 г. призвали в армию, он оставил у своих родителей в родной деревне жену и маленького сына. После военной подготовки он непродолжительное время воевал, затем попал в плен на территории Галиции летом 1916 г. Был в лагере военнопленных на Амуре вплоть до Брестского мира, т. е. до марта 1918 г. Потом он, подобно тысячам других, вынужден был без всякой организованной помощи добраться до дома через всю огромную страну во время Гражданской войны. Приехал домой только в мае 1921 г.

В середине 1920-х гг. Маркович решил написать книгу о русском плене. Он придумал своеобразный жанр: коллективный роман-репортаж. Затея была такая: написанное — это не только его личные впечатления, судьба, не только то, что произошло исключительно с ним. Он хотел собрать как можно больше разных воспоминаний. Сделал даже объявление в газете в городе Клуз (с 1920 г. румынский город, но в то время еще с преобладанием венгерского населения), прося бывших военнопленных поделиться какими-либо воспоминаниями, и действительно получил множество писем, — к сожалению, неизвестно, насколько он ими воспользовался.

Выход романа (1927) не был замечен, но второе, уже будапештское, издание вызвало огромный шум. Спустя два года Маркович пытался повторить успех, написав свой второй роман «Золотой поезд» о приключениях, связанных с возвращением домой через всю Россию.

В обоих романах повествование ведется от третьего лица, но повествователь словно всё знает о главном герое, имя которого долго остается неизвестным для читателя. Лишь во второй книге в определенный момент это имя звучит, причем в русифицированном варианте: Якаб превращается в Якоба Иосифовича. Это подтверждает догадку читателя, что главный герой очень близок самому автору. (Отчество в венгерском языке не употребляется, но отца писателя звали Йозеф — по-русски Иосиф.) Действительно, оба романа имеют откровенно автобиографический характер и могут быть отнесены к документально-художественной прозе, которая ценна своим потенциалом исторического свидетельства гораздо более, нежели своей художественной стороной.

Попробуем рассказать об этих двух романах венгерского писателя Родиона Марковича, подчеркивая те элементы их содержания, которые говорят об отношении к русским событиям послереволюционного времени и русским людям, охваченным вихрем революционных перемен.

Главный герой романа «Сибирский гарнизон» попал в русский плен при относительно «товарищеских» обстоятельствах. Ему очень повезло. У него с собой была сливовая палинка (водка), сделанная отцом. Ею он угостил русского офицера, который в итоге велел своим солдатам сшить полоску на его рубашку, обозначавшую, что он прапорщик, т. е. тоже офицер. Это, конечно, не спасло его от всех страданий, от голода, унижения, грязи, но на долгие годы обеспечило гораздо более терпимую жизнь, чем жизнь рядовых солдат. Кто знает, смог ли бы он выжить вообще без помощи русского офицера?

Военнопленные австро-венгерской армии при страшных обстоятельствах добрались до границы. Они убедились, что пришли к рубежу России, когда увидели широкие колеи. Там их посадили в поезд, и начался долгий путь на восток. По приезде в Киев главного героя в качестве прапорщика доставили к русским офицерам, которые хотели узнать у него военные секреты. «Прапорщик», конечно, никаких сведений не имел. Он вошел в зал между двумя русскими солдатами. Там сидели элегантные, высокопоставленные чины. Судя по формам, «прапорщик» решил, что все они генералы. И в ярком свете люстр:

...потихоньку плыл к нему некий роман Тургенева. Ему померещились герои Анны Карениной Толстого, появилась потрепанная фигура солдата Карамазова, и Пушкин играл на арфе где-то высоко: «Итак, я жил тогда в Одессе». И если он мог бы подойти к ним и открыть свою душу, говоря:

– Вы не представляете, глубокоуважаемые господа, с каким умилением я отношусь к русской земле... Генерал Павел Павлович, я знаю Тургенева, знаю Гоголя, знаю Лермонтова, Горький у меня хороший друг, и на веки веков моя неразлучимая сестра — Соня, которая проводила убийцу в Сибирь... <...>

После всего этого генерал, который сидит на почетном месте за столом, поцелует его, как это часто происходит в русских романах. Он будет упоминать о Чехове, об Обломове... <...>

– Значит, вы готовы дать разъяснения в некоторых вопросах? — спросил переводчик.

– Нет... никак... — ответил он заикаясь. — Я же офицер, моя клятва не разрешает... Но как вам сказать, я большой поклонник русской литературы...

– Вы об этом хотите говорить?

– В самом деле нет, об этом тоже нет... Здесь всё как у Достоевского... Как в романе Толстого... (здесь и далее перевод мой. — Э. Ш.) [Markovits, 2009, о. 127–128].

«Прапорщика», конечно, увели, никто не желал говорить с ним о русской литературе. Вскоре после этого эпизода поезд отправился к Москве, «в святой город русских», как выразился главный герой. Путешествие, конечно же, не очень комфортное — они едут под конвоем, в закрытом вагоне, но мысли главного героя всё еще романтичны:

Два русских солдата сторожили их. <...> Они наверняка были опытными солдатами, но оказались очень строгими. Они не пускали людей к дверям вагонов, а окон не было — как приятно было бы взглядывать на страну Горького и Гоголя. Он мог только тайком бросать взгляд на деревни, где живут мужики, на маленькие городки, где зимой дворяне ходят в гости друг к другу, на дороги, где мчатся тройки в русских романах, на поля, на которых пасутся стада князя Вронского, на сады, где некогда мечтал Гончаров [Ibid., о. 137–138].

И когда герой засыпает, ему снится, что он разговаривает с Генеральным штабом об Обломове и Ольге Сергеевне. И он сильно разочаровывается, когда понимает, что они зря находятся в Москве — город им не увидеть, только кремлевские башни чуть видны издали.

Дальше они ехали поездом, шли пешком, плыли кораблем по Волге и по Унже. Но всё еще настоящее не могло вытеснить старых литературных впечатлений, чувства туманной тоски, общности с русской землей, ощущения, что он приехал домой. Осенью пленные должны были покинуть Макарьев, где жили относительно хорошо на берегу реки, и отправиться в Сибирь. Они узнали, что их конечная цель — Хабаровск. Они достигли Урала, увидели из окон (офицеры ехали в пассажирских вагонах) белый столб, указывающий рубеж Европы и Азии. Этот столб имел для них символическое значение — они молча прощались с европейской жизнью и культурой. Сибирь — это Азия, это тайна, это место ссыльных и каторжан. Тут уже и главный герой перестал размышлять о русской литературе.

Путешествие продолжалось долгие недели. Поезд иногда останавливался, пленные выходили, на Амуре сели на корабль. В течение этих недель некоторые, среди них и главный герой, издавали (т. е. писали от руки) газету. Сначала под названием «Транссибирский вестник», потом «Амурский курьер», — естественно, по-венгерски. На берегу реки Уссури в китайском рыбацьем поселке находился их лагерь. Они там оказались не первыми пленными, некоторые солдаты жили там уже не первый год. Были в окрестностях и другие лагеря, и пленные разных лагерей время от времени могли общаться друг с другом. В лагере жили венгры, австрийцы и немцы. Продолжалось издание газеты, на этот раз «Сибирской газеты»².

Возвращаемся к нашей основной теме — отношению венгров к русским. Маркович, говоря о буднях лагеря, мало пишет о русских. Жителей лагеря больше интересовали свои дела — от того, как отнесутся к ним дома армия и правительство, каковы их шансы на возвращение, что делают их родные (они часто обменивались письмами) — вплоть до самостоятельного лагерного театра. В описании жизни лагеря более значительную роль имели отношения пленных между собой, их будни, в которых русские играли, конечно, основную, но всё же косвенную роль. Каждый день офицер, понимающий по-русски, переводил новости. Так пленные узнали и о Февральской революции, после которой всё больше и больше ощущалось, что они не совсем изолированы от жизни окружающей страны. Русские офицеры становились менее самоуверенными, в воздухе нависала неопределенность. Доходили вести о том, что русские войска отступают, и солдаты носят большие флаги с надписью «Долой войну!» Эти новости вселили в пленных солдат надежду на освобождение. Однако лето наступило более тяжелое, чем раньше. Они больше не получали писем из дома, денег и еды стало заметно меньше. После Октябрьской революции пленные стали твердо верить в то, что Россия просит мира, и их, как офицеров победоносной армии, привезут домой. После заключения Брестского мира они поняли, что, во-первых, это не полный мир, поэтому, если они попадут

² Надо заметить, что в венгерском словоупотреблении Сибирь означает всю территорию от Урала до Тихого океана.

домой — должны будут служить дальше, скорее всего на итальянских фронтах. Во-вторых, что никто никакого поезда из Европы не пошлет за ними. Приехал потом русский комиссар, выступил с пламенной речью за коммунистические идеалы — ситуация была нелепая, потому что переводчик не хотел правильно переводить, а пленные плохо знали язык. Но в последние месяцы в лагере передавались книги, брошюры с революционной пропагандой, так что эти мысли офицерам были знакомы.

Русских перестало интересовать, уйдут пленные или нет, и в определенный момент военнопленные решили сами сторожить лагерь, требовать соблюдения порядка, так как русские уже не знали, кому они должны подчиняться.

Вести о гражданской войне всё приходили и приходили. Постепенно приблизилась и сама эта война. Как поступить? Некоторые из солдат и офицеров приняли необычные решения: бежали в Америку, в Китай, женились на русских (или китайских) девушках. Те, которым удалось достать деньги, решили поездом доехать до Хабаровска или Владивостока и там сесть на пароход. Однако поехать домой становилось всё более нереализуемой мечтой. Как отправиться и как проехать всю страну в условиях гражданской войны?

Второй роман Родиона Марковича «Золотой поезд», не имевший успеха, но художественно все-таки более удачный, чем первый, говорит именно об этом преодолении огромного пространства, об одной-единственной цели — попасть поближе к Карпатскому бассейну и выжить, что удалось не всем.

В романе «Золотой поезд» главным героем, как и в первом, является тот же Якоб Иосифович. И хоть этот роман уже не называется автором «коллективным», но, вероятно, содержит не меньше автобиографических фактов, чем «Сибирский гарнизон».

Как же преодолевают российские пространства герои романа — венгерские, австрийские, чешские офицеры? Они отправляются с берегов Амура, где в лагере больше страдали от тоски по родине, чем от физических испытаний. Перед отъездом Якоб стал комиссаром лагеря, и именно он выдумал детали проезда. Поезд с пленными проехал через Маньчжурию, на пятый день все вышли у Байкала. Там договорились с красными о движении дальше. В Иркутске австро-венгерские пленные должны были вступить в Красную гвардию — за исключением высокопоставленных офицеров, которых увезли неизвестно куда. Остальные присоединялись к красным — обсуждая между собой, что, по-видимому, этим не наносят вред своей родине. Среди офицеров в идеологической сфере — полное замешательство. Какую сторону честно поддерживать? Чего ожидать офицерам Австро-Венгрии, особенно тогда, когда уже стало известно, что поражения не избежать, и что армия и вся Австро-Венгрия распались, а еще позже — стало ясно и то, что территория Венгрии становится меньше, и есть опасения, что часть страны перейдет новорожденному государству — Чехословакии, причем солдаты этого формирующегося государства сражались в армии Австро-Венгрии вместе с венграми. Ко всему этому еще добавилось и уже упомянутое опасение — а что, если придется служить дальше?

Офицеры, которые остались свободными, ехали дальше: Омск, Урал, и, наконец, достигли первого европейского города — Самары. Оттуда они не могли ехать дальше, потому что белые и красные воевали за мост на Волге. Дежурный по железнодорожной станции советовал пленным вернуться — раз им так повезло и у них есть поезд, то лучше всего вернуться в Сибирь, «где текут молоко и мёд». И вот опять проехали мимо белого столба и попали в Красноярск, лагерь для военнопленных. Там было много чехов, которые быстро вступили в Гражданскую войну на стороне белых, потому что они надеялись на их помощь в основании чехословацкого государства и боялись ехать домой, где их могли бы казнить за измену родине (ведь их «родина» была Австро-Венгрия). Чехи хотели попасть на восток и во Владивостоке присоединиться к адмиралу Колчаку. В лагере чехи напали на венгров и с помощью нескольких словаков устроили бойню.

Якобу удалось спастись, он сбежал, пришел в деревню Секретарская. У него всё еще оставались романтические представления о русской деревне, которая в своей отсталости жаждет красивого и хорошего. Он думал, что будет жить там в качестве сельского учителя (на каком языке он бы работал — об этом автор умалчивает; вполне возможно, что и главный герой, и сам автор за это время уже выучили русский) и начнет делать записки о простом русском народе, а потом дома будет читать лекции о нем. Вместо этого герой провел в деревне несколько месяцев, живя на положении невольника. Ему пришлось быстро понять, что романтические чувства здесь неуместны, что живут тут отнюдь не крестьяне классической русской литературы и царствуют грубость, грязь, беспощадность. Несколько венгров жили там вместе с ним в самых страшных условиях, но когда прибыли красноармейцы и освободили их с тем, чтобы венгры могли присоединиться к их отряду, вся деревня прощалась с ними, как со своими сыновьями.

Потом Якоб попал к партизанам, среди которых почти не было русских — там были китайцы, венгры, австрийцы, немцы, киргизы, а их вожатый был венгерским солдатом. Отсюда Якоб тоже бежал — вернулся в красноярский лагерь. Здесь отметил новый 1920 год. Гражданская война продолжалась, и, соответственно красным победам, заводы, где работают пленные, становились социалистическими. Среди других работающих пленных находился и знаменитый Матэ Залка.

И вот тут, уже почти в середине книги, появляется настоящий главный герой — золотой поезд. Заглавие романа кажется сказочным, но этот поезд — реальный. Адмирал Колчак на этом поезде вез золотое обеспечение денег своего правительства. Поезд должен был доехать до Москвы. Решили, что для этого нужны опытные офицеры, и, опасаясь нападений белых и похищений красных, для выполнения этой задачи выбрали «красных» иностранцев. Вместе с главным героем на золотом поезде оказались и Матэ Залка, и Ярослав Гашек, впоследствии ставший автором всемирно известного романа, главный герой которого тоже солдат Первой мировой войны. (Отметим, что Маркович не пишет о Гашеке ни слова.) Якоб надеялся на возвращение домой, другие рассчитывали на ордена. Через Омск они доехали до последней сибирской станции, Челябинска, а потом

поехали дальше через Урал. Когда они увидели белый столб, то им показалось, что всё, что они оставили дома, уже очень-очень близко, ведь они в Европе. Дальше, конечно, ехать было не так просто, кругом нищета, голод, болезни. Оказалось, что железнодорожник был прав — по сравнению с европейской частью страны в Сибири на самом деле текли молоко и мед. В романе детально не говорится о том, как Якоб попал в Москву и потом домой. В Казани он заболел, его привезли в столицу, а потом с партийными поручениями пропустили на родину. Он должен был организовать революцию на Балканах, в Болгарии.

Судя по всему, главный герой книги, как и ее автор Маркович, за это время, скорее всего, выучил русский язык — хотя об этом писатель никогда и нигде не говорит. С точки зрения нашей темы, включающей интерес венгров к новым русским людям, переплавленным в горниле революции, один интересный эпизод произошел в Казани. Якоб познакомился с женщиной, которая уговаривала его пойти в гости такими словами: «Вы, наверное, можете встретиться у нас с некоторыми фигурами вашего возлюбленного Тургенева и любимого Гоголя» [Markovits, 2011, о. 259]. Но, конечно, в это время тургеневско-гоголевские русские люди сменяются типичными фигурами формирующейся советской страны. Маркович очень рано увидел и понял некоторые карикатурные и даже абсурдные черты советской жизни. Трудно судить, понимал ли он это в 1920–1921 гг. или понял намного позже, когда создавалась книга, во всяком случае, Маркович пишет как раз о том, с чем мы встречаемся только в советской сатирической литературе 1920-х гг. Чаще всего основой схваченного им абсурда становилось то, что русские люди новой, нарождающейся формации не понимали тех политических выражений и лозунгов, в мире которых пребывали. В ироническом тоне автора есть и самоирония, ведь главный герой стал коммунистом тоже только благодаря случайности.

Маркович воспроизводит смешные истории, например, пишет о «Комитете борющихся против суеверий», который должен проверять святых — настоящие они или нет. Повествователь обращает внимание на вопиющие противоречия между яркими плакатами, громкими, воодушевленными статьями и бледными, сонными, молчаливыми людьми, сухими полями вокруг города.

Лично для меня самое грустное наблюдение автора касается поведения и хода мышления русской интеллигенции. Так, в Казани Якоб знакомится с искусством авангарда, сталкивается и с теорией этого искусства. Искусствовед, образованный, интеллигентный человек, объясняет на выставке, что новое искусство побуждает к размышлению, при этом обращает внимание на то, что коллективное искусство рождается не из мещанских интеллигентных «мозгов», а из коллективного общества. Я считаю это исключительно точной метафорой «шизофренического» состояния будущей советской интеллигенции.

Подводя итог, хочется повторить, что в нашем случае мы имеем дело с литературными произведениями, написанными через несколько лет после воспроизводимых событий — Первой мировой, сибирского плена австро-венгерских солдат, русской Гражданской войны. Не стоит говорить о том, насколько они

правдоподобны, не в этом дело, хотя Маркович пишет о множестве таких исторических фактов и явлений, которые активно изучаются ныне в исторических исследованиях. Но я думаю, что не это главное. Важно и интересно именно то, что эти два романа («Сибирский гарнизон» и «Золотой поезд») показывают уникальный взгляд на Россию, на ее людей, на их жизнь и культуру в самое волнующее историческое время. Маркович пишет во втором романе, когда его герой думает, как сбежать из деревни: «Нам надо решить — мы будем красными или белыми» [Markovits, 2011, о. 136]. Несмотря на то, что герой принял, как мы уже писали, вполне определенное решение, его взгляды, чувства, образованность, любопытство не позволили ему односторонне воспринять Россию и все те события, которые ему пришлось в ней пережить. Долгие десятилетия такое неоднозначное отношение к русской и советской культуре было невозможно.

Источники

Markovits R. Szibériai garnizon: Kollektív riportregény. Pomáz : Kráter, 2009.

Markovits R. Aranyvonat. Kolozsvár : Kriterion Könyvkiadó, 2011.

Статья поступила в редакцию 27.07.2017

Шиллер Эржебет

PhD, доцент

кафедры венгерской литературы

Университет им. Лоранда Этвеша

Филологический центр, г. Сомбатхей

9700 Szombathely, Berzsényi Sq., 2

E-mail: schillererzsebet@hotmail.com

Schiller, Erzsébet

PhD (Philology), Associate Professor

Chair of Hungarian Literature

Eötvös Loránd University

Centre for Humanities of Szombathely

2, Berzsényi Square, 9700 Szombathely,

Hungary

Email: schillererzsebet@hotmail.com

THE RUSSIAN REVOLUTION, RUSSIAN CAPTIVITY, AND RETURN TO THE MOTHERLAND IN THE AUTOBIOGRAPHICAL NOVELS OF RODION MARKOVITS

For the first time in the Russian language, this article explores two novels by Hungarian writer Rodion Markovits *Siberian Garrison* and *Gold Train*, underlining the elements in their plot that illustrate the attitude towards the Russian events of the post-revolutionary period and the Russian people in the vortex of revolutionary changes. The first of these novels, *Siberian Garrison* (1927), caused a huge uproar when it was first published, being one of the earliest European artistic texts about Russian captivity and post-revolutionary Russia in general. It describes the path of prisoners of war across the country right to the Far East, as well as the routine of two-year captivity. The novel *Gold Train* (1929) tells of the period after the Brest Peace, the return of Austro-Hungarian soldiers to their homeland through Russia seized by revolution.

In addition to observations concerning the perception of Russian culture, history, and human psychology by a Hungarian character, the article contains conclusions about the special historical and psychological reliability of auto-documentary artistic texts, which are the novels by Rodion Markovits, the writer that came up with a new genre of the collective report novel.

Key words: Rodion Markovits; Hungarian prisoners of war; World War I; civil war in Russia; auto-documentary prose.

Acknowledgements

The research makes part of the international project 17-21-07002a(m) “‘Homo soveticus’ as ambivalently received phenomenon in Hungarian and Russian humanities of 20th–21st centuries” (*Russian Foundation for Basic Research* — Department of Humanities and Social Sciences).

Received on 27 July, 2017